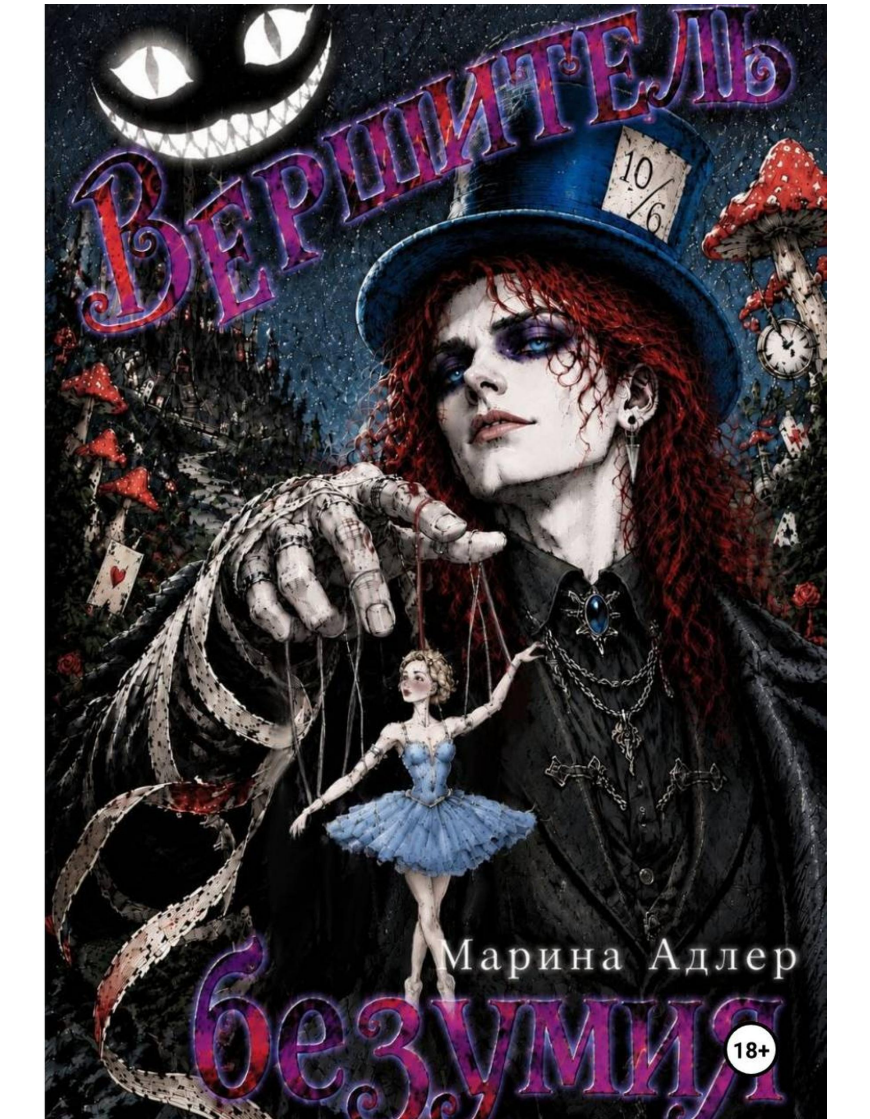

ВЕРШИТЕЛЬ

Марина Адлер

безумия

18+

Марина Адлер

Вершитель безумия

<https://litres.ru/74262642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Софи встречает его в темном переулке Лондона — странного незнакомца в синей шляпе, который словно знает о ней больше, чем она сама. Мужчина предлагает игру, и девушка, не понимая, что соглашается на гораздо большее, пересекает грань между реальностью и сказкой.

В искаженной Стране Чудес, где правят ужас и тьма, ее ждут не сказочные чудеса, а жестокие существа и испытания. Здесь Принц Пик — не просто чудовище, а существо, способное менять судьбы. Шляпник плетет сети интриг и преследует ее, а сам Хаос теряет контроль над своей магией.

Софи остается одна — против чар, против правил жестокой игры и против собственного прошлого, которое сводит с ума. Но она не из тех, кто привык сдаваться. Вместо того чтобы подчиниться, девушка сыграет по-своему. Ее танец способен растопить даже сердце того, кто забыл, что такое чувства. Ее выбор перепишет правила.

Цена победы — потеря части себя. Цена любви — память о врагах. Цена спасения — стать совсем другой.

Содержание

Пролог	5
***	6
Глава 1. Кривые зеркала, как знак	10
Глава 2. Приглашение в Страну чудес	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Марина Адлер

Вершитель безумия

Пролог

Для тех, кто точно знает - монстрами не рождаются. Они просыпаются в сердцах тех, кто осмелился по-любить и потерял все.

Ноги почти не касаются земли, настолько быстро бегу — черная трава под подошвами шелестит, как живая. Словно шепчет о моей глупости. Воздух режет легкие ледяными осколками. Магия Хаоса густыми потоками витает вокруг, отравляя нутро запахами лаванды и гари. Впереди, где-то в глубине лабиринта, я слышу ее дыхание. Или это только моя надежда? Я уже не различаю.

Лабиринт живет. Это не просто стены из шипов и колючих ветвей — это организм, пульсирующий в такт страхам его жертв. Королева Пик вплела в каждый куст свою волю, в каждый шип — свой приказ. И все они кричат одно: *поймай, удержи, убей*.

Я поправляю шляпу. Бумажный ценник под лентой все еще там. Игла. Моя последняя козырная карта. Моя кровь — единственная валюта в этом проклятом королевстве.

Поворот влево. Стена из черных роз вздымается передо мной, и я отпрыгиваю, чувствуя, как шипы цепляются за одежду, царапают кожу. Боль — это хорошо. Это значит, что я живой. Боль говорит о том, что еще могу ее спасти.

Луна над головой алая, как открытая рана. Фиолетовое небо дышит, пульсирует чужой магией. В этой стране все дышит — небо, земля, воздух. Даже смерть здесь живая, гуляет по лабиринту черным облаком чистой тьмы на четырех ла-

пах и ищет добычу.

Я слышу его рев.

Чудовище. Королевский охотник, созданный из тьмы и приказов. Оно где-то позади, может быть в ста шагах, может быть в пяти. Расстояния здесь врут. Лабиринт их искажает, растягивает, сжимает. Однажды я видел, как слуга, не угодивший чем-то своей Королеве, бежал от казни целый час и оставался на месте.

Я не могу кричать. Мы оба это знаем — она и я. Крик — это приглашение монстра на трапезу, мгновенная смерть.

Кусты шевелятся со всех сторон. Они тянутся ко мне черными лапами, пытаются обвить щиколотки, запутать в корнях. Я вырываюсь, оставляя клочья ткани на шипах. Где-то позади слышу хруст веток — охотник идет по моему следу, не спеша. Он знает, что я не уйду. Никто не уходит из лабиринта Королевы.

Но она... *Она должна уйти.*

Вдруг — девичий вскрик.

Мир замирает перед глазами. Мое сердце перестает биться на доли секунды. Это ее голос, пронизанный ужасом и болью, разрезает ночной воздух как стекло. И я уже не бегу — буквально срываюсь с места и лечу в сторону звука. Земля под ногами исчезает. Существует только направление: туда, откуда доносился крик.

Хищные лапы лабиринта хватают меня за волосы, за одежду, за плоть. Я не чувствую. Я ничего не чувствую, кроме

одного: она там. Она в опасности. И я должен быть быстрее, сильнее, безумнее, чтобы спасти ее.

Вытаскиваю иглу из шляпы. Она маленькая, почти незаметная, но в ней вся моя сила. Острый кончик входит в мою ладонь, и мир вспыхивает болью — адской, абсолютной. Кровь капает на черную траву, и та начинает светиться.

Фиолетовое мерцание разливается по земле, как вода. Это моя магия, жизнь, отчаяние, превращенные в свет. Лабиринт шипит, расступается, образуя проход, но не на много. Лишь настолько, чтобы я мог пройти.

Я бегу по тропе из света, оставляя за собой кровавый след. Каждый шаг стоит мне куска жизни, но я не останавливаюсь. Не могу. Ни за что не оставляю ее здесь.

Стена. Еще стена. Еще.

И вот — центр. Сердце лабиринта.

Открытое широкое пространство, которое лунный свет заливает настолько, что больно смотреть. Или больно смотреть не от этого? На черной траве, сидит мой друг. Его лицо мертвенно бледное. Тени под глазами особенно явные. Синие глаза обретают свечение. Но уже не опасное... он просто убит горем. Хаос вскидывает взгляд на меня. Глаза смотрят словно сквозь, в пустоту.

А в его руках — ее безвольное тело.

Голубое платье, волны фатина, разметавшиеся по земле как морская пена. Светлые волосы, которые я целовал столько раз, что потерял счет. Ее кожа — бледная, почти прозрач-

ная, как фарфор. Тронь и вот-вот разобьется, рассыплется на куски.

На ее плече — рана. Черная, пронизанная тьмой, пульсирующая ядом Пик. Яд королевы — это не просто смерть. Это медленное мучение. И всегда погибель.

Внутри меня что-то с треском проваливается. Я падаю на колени. Мой друг смотрит на меня, и в его глазах я вижу ужас, смешанный с виной.

— Прости, — шепчет Хаос, сильнее сжимая тело хрупкой девушки в когтистых руках. — Прости, мой друг. Мне так жаль...

Но я не слышу его слов. Я слышу только ее дыхание — поверхностное, прерывистое, как последний вздох перед концом. Свой пульс, который гудит в ушах. Касаюсь лица, головы, сжимаю собственные волосы у корней. И понимаю: я опоздал.

Я опоздал навсегда...

Глава 1. Кривые зеркала, как знак

Музыка течет сквозь меня, как кровь сквозь вены. Я чувствую ее в каждом движении — в изгибе спины, в вытянутых пальцах, в том, как ноги отталкиваются от паркета, словно еще немного и смогу взлететь.

Зеркала окружают меня со всех сторон. Бесконечные отражения Софи — той, которая танцует, летит и еще верит, что совершенство возможно. Пустой зал в семь вечера — это мой мир. Мой и больше ничей.

Мелодия нарастает, и я позволяю телу следовать за ней туда, где слова заканчиваются и начинается что-то большее. Балет встречается с современностью в моих движениях — классическая грация сталкивается с резкими, почти агрессивными жестами. Это противоречие живет во мне, как две разные девушки в одном теле.

Я не замечаю его сразу. Маркус появляется в дверном проходе так, как появляются плохие предчувствия — ты не видишь их приближения, но вдруг понимаешь, что они уже здесь и дышат тебе в спину. Его фигура темнеет в проеме двери, и музыка словно спотыкается в ушах. Я резко разворачиваюсь, и мое тело еще несет инерцию танца — неконтролируемую, дикую.

— Не стоит подкрадываться, — говорю я, останавливаясь. Дыхание еще не восстановилось, голос звучит острее, чем

хотелось бы. — Это опасно.

Он улыбается. И это не добрая улыбка. Маркус — директор школы, мой преподаватель, человек, которого все здешние танцоры называют гением современного танца. Голубые глаза, светлые волосы, спортивная фигура, рост, который заставляет поднимать голову и отчего-то прятать взгляд, когда он смотрит тебе в глаза. Он красив так, как красивы самые опасные вещи в мире — холодный, отстраненный, с оттенком чего-то хищного, словно у ястреба или ягуара на охоте.

Девушки буквально извиваются перед ним, когда тот входит в танцевальный зал и наблюдает, оценивает. Танцуют более вызывающе и неприкрыто демонстрируют свои умения, понимая, что именно может дать этот мужчина, если завоевать его внимание.

Но я смотрю на гения танца только лишь как на преподавателя, владельца этой школы. Не более.

— Это моя школа, — говорит он, подходя ближе. Его шаги медленные, уверенные. — Я могу делать то, что хочу.

Что-то в его голосе заставляет мою кожу покрыться мурашками. Не от восхищения. От страха, который не люблю признавать в себе.

— Софи, — продолжает он, мягче, опаснее. — Ты танцуешь как богиня, знаешь это?

В голубых как лед глазах мелькает странное восхищение. Замечаю, что под ними пролегли довольно заметные, тени усталости. Понимаю, что этот человек, каким бы ни был его

нрав, настоящий трудоголик, готовый на все, ради процветания его дела.

Маркус подходит еще ближе. Я чувствую его запах — дорогой одеколон, смешанный с запахом пота. Наверняка он снова засиделся у себя в кабинете, обдумывая новое выступление, решая организационные вопросы. А потом услышал музыку... увидел меня. И к несчастью именно я всегда любила приходить в школу потренироваться вечером, другие девушки предпочитали находить возможности пораньше.

Вздрагиваю, когда мужская гладкая как шелк ладонь ложится на мое плечо.

— Но этому бриллианту нужна огранка, — продолжает он, заходя ко мне за спину.

Его рука уже тянется к моему лицу. Я замечаю это в зеркале перед нами, а еще то, с каким удовольствием он смотрит на меня в отражении. Словно показывая — «посмотри, насколько красивым может быть этот тандем». Его пальцы почти касаются моей щеки, и он наклоняется, чтобы... О дальнейших его намерениях не думаю, просто резко отхожу и разворачиваюсь к нему лицом.

Движение резкое, инстинктивное — такое же, которое спасает меня в танце, когда вдруг теряю равновесие. Я отступаю на два шага, и его губы касаются только воздуха.

Маркус усмехается. Но это не звучит радостно. Скорее, разочарованно и уязвленно.

— Надеюсь, это больше не повторится, — говорю я, ста-

раясь, чтобы мой голос звучал твердо. — И что ты больше не будешь... сближаться.

Он смотрит на меня долгую секунду. В его глазах что-то меняется — раздражение? Разочарование? Потом он отступает, и его выражение лица становится почти виноватым. Почти.

— Это была попытка, — говорит он спокойно. — Я не собираюсь лишаться хорошей танцовщицы ради интрижки. Прости меня, Софи. Ты потрясающе двигаешься. Правда. А я... кажется, просто устал.

Он уходит, оставляя меня одну в зале, окруженную вереницей отражений. Но теперь эти отражения кажутся мне враждебными. Как и музыка, которой еще недавно восхищалась, танцуя.

Выдыхаю с облегчением, выключаю музыку на дисплее планшета у стены и иду в гардероб, который находится в конце длинного коридора. Он абсолютно пустой, но яркий свет притупляет страхи. Сразу беру полотенце на полке и иду в душевую. Раздеваюсь, складывая костюм на лавке и отправляюсь мыться.

Вода горячая, почти обжигающая. Я стою под душем и пытаюсь смыть с себя его прикосновение, хотя он так и не коснулся меня по-настоящему. Но ощущение остается — липкое, грязное, как паутина. Воспоминания роем пчел таранят разум. Пробивают в нем дыры, открывая путь в прошлое.

— Хватит... хватит... — шепчу, ощущая, как капли воды

стекают по губам. — Ты давно не та слабая девушка. Все в прошлом.

Но что-то не так. И это что-то быстро отвлекает от душевных мук. Странное чувство преследует меня уже несколько недель. Ощущение, что за мной наблюдают. Не Маркус — что-то другое. Что-то, что живет в углах комнаты, в тени зеркал, в промежутках между реальностью и чем-то еще. Я закрываю глаза под струей воды и вспоминаю. Лекарства. Я забыла принять таблетки.

Доктор сказал, что это важно. Каждый день. Без пропусков. Но сегодня я была занята — растяжка, танец. На самом же деле внутри понимаю — это попытка доказать себе, что я нормальная, что все в порядке и эти... видения... это просто усталость. Но теперь понимаю — это не так и пора принять лекарство.

Я выхожу из душа, завернувшись в полотенце, и иду к своему ящику в гардеробе. Мои руки дрожат, когда открываю сумку и достаю баночку с таблетками. Маленькие белые пилюли, которые должны сделать мир менее острым, менее ярким и более... реальным.

Глотаю одну. Подхожу к умывальникам и зеркалам, утопающим в раме светодиодной подсветки, открываю воду и пью прямо из крана, желая поскорее избавиться от навязчивого наваждения. Поднимаю глаза к отражению.

Зеркало передо мной начинает вибрировать. Сначала едва заметно, как дыхание спящего животного. Потом сильнее.

По его поверхности бегут волны, как по воде, хотя это стекло, холодное и твердое.

Мое отражение искажается.

Я вижу себя, но не совсем себя — мое лицо становится более острым, искривленным, неправильным и вовсе не моим. Это похоже на то, как выглядит человек, когда смотрит в отражение в кривом зеркале парка развлечений. Но это не смешно. Это ужасно.

Я должна была привыкнуть справляться с этими странными видениями за почти уже месяц. Но к этому невозможно привыкнуть. И на этот раз все немного иначе. Немного. Я истерично усмехаюсь сама себе — вовсе не немного...

Волны в зеркале начинают формировать что-то новое. Сквозь них проступает другой мир — сюрреалистичный, невозможный, как страница из книги, которую я читала в детстве. Все здесь не совсем правильно. Небо имеет цвет, который не существует в реальности — что-то между фиолетовым и красным. Деревья растут корнями вверх, их листья светятся изнутри, как фонарики. И я там.

Присматриваюсь, наклоня голову немного вбок.

Я в летящем голубом платье, которое развевается от потоков ветра. Мое лицо в отражении спокойное, красивое, уже не искаженное. Я танцую в этом невозможном мире, и это выглядит как фильм или ожившая сказка.

Позади меня, нет, не меня, той девушки, которая похожа на меня как две капли воды — силуэт мужчины в синей шля-

пе. Его лицо размыто, как фотография, которую кто-то намеренно испортил. Но я чувствую его взгляд. Он смотрит на меня настолько внимательно, что дыхание невольно замирает в груди.

Его рука... она странная. Длинные пальцы с бинтами на костяшках. Он тянется ко мне. И касается плеча в отражении, заставляя сначала вздрогнуть, ведь ощущаю это касание в реальности!

Холодное. Настоящее! Я делаю резкий шаг назад от зеркала, издавая звук, который не совсем крик и не совсем вопль. Полотенце соскальзывает, я теряю равновесие. Земля встречает меня с болезненной определенностью. Падаю, завернутая в белую ткань, как труп в саван.

Встаю резко, иногда скользя по влажной плитке, и бегу к своему ящику. Руки дрожат, когда нащупываю на вешалке свою одежду. Лампы в гардеробе начинают судорожно мигать, как будто тоже напуганы. Черное платье, колготки, красные лаковые сапожки на каблуке, синее пальто. Я одеваюсь автоматически, не думая, не дыша, просто двигаясь.

Шарф с черно-белыми полосками обвивается вокруг моей шеи. Я не завязываю его — просто оборачиваю. И выбегаю из гардероба, минуя лестницы, коридоры, не прощаясь с Виктором, добродушным престарелым охранником, который всегда улыбается мне, сидя на посту в вестибюле. Сегодня я не могу улыбаться в ответ.

Лондонская ночь встречает меня холодом и влагой. Но-

ябрь пахнет дождем и свежестью. Я дышу глубоко, пытаюсь успокоиться, убедить себя, что это просто мое воображение. Лекарство скоро подействует. Оно всегда действует.

Вспоминаю касание на своем плече. Это ведь точно не настоящему?

Странные образы начали появляться перед глазами примерно три недели назад. Доктор сказал — это может быть стрессом, выписал лекарства, которые помогут, по его словам. Если не поможет, то убеждал, что даже люди с шизофренией могут жить нормально, если соблюдать все назначения лечащего врача. Я зажмуриваюсь, думая об этом. Сначала воображение рисовало маленькие эпизоды — мерцание в углу зрения, звуки, которые никто больше не слышит, ощущение присутствия. Потом они становились все больше, ярче и реальнее.

А сегодня я дошла до края, ощутив касание несуществующего человека в зеркале. Раньше такого со мной не случилось. Голову разъедают мысли: «Я схожу с ума или действительно настолько устала?»

Иду по улице, просто по инерции в сторону дома. мне просто нужно идти, двигаться, убежать от зеркал и от мира, который живет по ту их сторону. Мой телефон уже в руке, прежде чем я осознаю, что набираю номер.

Элис.

Голос подруги всегда отвлекал меня. Даже сейчас, когда она звучит уставшей и немного грустной.

— Софи? Ты в порядке? — спрашивает она, и я слышу фоновый шум кафе, где она работает официанткой.

— Да, просто... — я не знаю, как объяснить. — Как дела на работе? Скоро домой? — спрашиваю, вспоминая о том, сколько всего пережила подруга за последнее время. Смерть родителей, работа на износ, нападение, которое по-правде говоря не дает мне покоя до сих пор, ведь Элис не хочет делиться подробностями...

— Еще час, может быть, полтора, — отвечает она задумчиво, почти устало. — Возможно, посетителей не будет и удастся уйти пораньше.

— Позвони мне, когда выйдешь, ладно? — стараюсь звучать мягче, хотя тон переходит в панику, когда думаю о том, что скоро приду домой и останусь одна в квартире наполненной тишиной. — Я уже скоро буду дома, — говорю, оглядываясь по сторонам, и понимая, что если сокращу путь, то действительно быстро доберусь. — Мы поговорим, пока ты идешь. Прослежу, чтобы ты добралась.

Прикрываю глаза, пытаюсь превратить свои страхи в заботу о подруге. Делаю вид, что в порядке, хотя это совсем не так. И вхожу в переулок, зажатый между домами, который позволит сократить путь.

— Софи, мне ничто не грозит, — отвечает Элис, которая даже не догадывается о том, каким якорем является для меня в реальном мире, чтобы не сойти с ума прямо сейчас. — Лучше побеспокойся о себе и лучше бы взяла такси, — слы-

шу недовольство в ее голосе. Догадалась. Конечно же она догадалась, что иду этим темным путем.

Но ее голос держит в реальности, помогает. Она не знает, что давно не боюсь тьмы как таковой. Скорее, того, что прячется в ней. Себя, безумия. Вспоминаю о матери, у которой меня забрали еще в детстве. О ее неадекватности и о том, как она в один прекрасный день обратилась за помощью не к врачам, чтобы излечиться, а стала злоупотреблять алкоголем. И понимаю, что боюсь пойти по ее стопам. Ведь сегодня поняла ее, как никогда. Поняла ее боль... страх, печаль.

Но в ответ на беспокойство подруги только смеюсь. Так реалистично, чтобы Элис не заметила и толики грусти в моем голосе.

— О, Элис, ты забыла, кто я? — говорю громко. — Мне ни один маньяк не страшен. А если что, я его сама... — делаю паузу, осматриваясь вокруг, убеждаясь, что одна в безлюдном темном проходе между зданиями — могу изнасиловать. — И снова смеюсь. А потом замечаю странную тень, мелькнувшую у баков, и моргаю чаще. — Но серьезно, позвони мне. Я только что закончила растяжку, готовлюсь к завтрашним занятиям. Буду дома через двадцать минут. Растяжка была адской, но завтра нас ждет занятие в школе, и я должна быть в форме. — Слышу порывистый выдох подруги и кривлюсь от того, какая я тупица. Наверняка Элис будет тяжело войти в строй после такого перерыва. — Элис, ты уверена, что готова вернуться?

Уже хочу предложить поговорить с Маркусом снова. Помочь отложить ее реабилитацию еще на неделю, как бы тяжело мне не давалось общение с директором школы танцев. Вспоминаю, как позвонил ее брат Алекс несколько недель назад. Его голос был испуганным, сам он почти сломленным. Сказал, что Элис в больнице. Якобы нападение. На окраине Лондона. Но никто не знает, что именно произошло.

Когда я пришла в больницу, Элис лежала в постели, бледная, убитая горем. На ее руках, где могла рассмотреть открытые участки тела — множество порезов и ссадин. Но самое главное — это цвет волос. Она снова стала блондинкой. Светловолосой девушкой, которую знала в школе. Как? Как за такое короткое время столько всего могло произойти? В глазах Алекса читались все те же вопросы. Но и еще вина. Я сразу поняла, что эти двое скрывают от меня многое. Попыталась спросить, узнать, но мне выдали лишь историю о потере памяти в которую конечно же не поверила.

А Элис впервые отказалась рассказывать подробности мне лично. Просто смотрела в потолок и молчала, когда остались наедине. Алекс молчал еще громче. Не смел проронить и слова без разрешения сестры, которая, по-видимому, вляпалась в большие неприятности именно из-за него.

Думала, хотя бы полиция докопается до истины, все выяснит. Но и здесь промах. А когда пыталась поговорить с Элис более серьезно, та уже откровенно дала понять, что ничего не собирается рассказывать. А я, вспоминая невзгоды дет-

ства, то, как оно было ужасно, решила, что во что бы то ни стало, но докопаюсь до истины.

Теперь Элис работает, живет как обычно, но что-то в ней сломалось. Она стала грустной, задумчивой, как будто часть ее осталась в той ночи на окраине города. Она обещала вернуться в балетную школу, продолжить танцевать, но я вижу в ее глазах, пустоту. Такую, словно она похоронила часть себя где-то там, в переулке, где на нее напали.

Я иду по ночному Лондону через длинный тусклый проход между домами, и мир вокруг меня снова кажется тоньше, чем раньше. Как будто где-то совсем рядом есть еще один мир — темный, странный, опасный, сотканный из моих кошмарных видений — и я медленно соскальзываю туда, в его объятия. Мысли снова начинают путаться. Я понимаю, что приняла лекарство давно и ужас жалит плоть под кожей. Не помогло. Лекарство не помогает...

Но Элис возвращает меня снова в реальность своим голосом, отвечает совсем не на тот вопрос. Который задала, но так бодро, что сразу понимаю — она занята и хочет завершить разговор. Мы договариваемся. Это наш ритуал с тех пор, как с ней что-то случилось три недели назад.

— Хорошо, хорошо. Позвоню, когда буду выходить, обещаю.

Пар с шипением взмывает из люка канализации прямо передо мной, и я вздрагиваю. Из белого облака проступает силуэт — мужчина. Высокий, крепкий, он стоит неподвижно,

словно ждал, когда здесь кто-то появится. Осторожно кладу телефон в карман пальто, не прерывая вызов. Если на меня кто-то нападет, то подруга сможет это услышать.

Мое сердце начинает биться быстрее. Инстинкт взмывает откуда-то из недр природы, прямо из груди. Древний, первобытный инстинкт, который кричит: *опасность!*

Я замираю. Ноги отказываются двигаться. Глаза прикованы к силуэту, пытаюсь разглядеть черты лица, но пар все еще скрывает его. И именно в этот момент отвлекает звук. Писк. Резкий, пронзительный, совсем не человеческий. Из бака, стоящего рядом со мной, вылетает что-то темное. Крыса? Кот? Я не успеваю разобраться. Страх берет верх над разумом. Я вскрикиваю — звук, который вырывается из горла, звучит чужим, диким, и я отпрыгиваю в сторону.

Делаю шаг, два, три в сторону... И сталкиваюсь с чем-то теплым, твердым. С человеком. Чьи-то руки ложатся мне на плечи. Сильные, уверенные, но осторожные. Я вздрагиваю от неожиданности и ужаса, от того, что этот незнакомец появился из ниоткуда, и теперь я зажата между ним и баком, между реальностью и чем-то еще. Медленно поднимаю голову и замираю.

Передо мной стоит незнакомец, который не может быть реальным. Это он? Тот самый мужчина из зеркала. Или, нет? Сложно понять или он вовсе реален. Но его руки на моих плечах сжимаются и вдруг осознаю, что наверняка просто надумала себе лишнего.

Мужчина высокого роста. Намного выше меня. Волосы цвета меди, длинные, чуть ниже плеч, приковывая внимание. Его кожа бледна, почти прозрачна, как фарфор, но черты лица мужественные и резкие. Глаза — ярко-голубые, почти неестественные, в окаймлении темных кругов, словно он не спал неделю или подвел их тенями. «Или это просто его природа, часть его сущности?» — сама собой возникает странная мысль в голове.

Он смотрит на меня молча, изучая каждую мельчайшую черту лица. Словно пытается собрать их все по отдельности как сумасшедший коллекционер. Его глаза широко распахнуты, выглядят так, словно он увидел привидение и седьмое чудо света в одном лице. Но заминка длится всего секунду. Вскоре мужчина быстро обретает беспристрастный вид, слегка ухмыляется и я замечаю на его щеке едва заметную ямочку. Вижу блеск длинной серьги в его ухе, хоть и не рассматриваю ее долго.

— Осторожно, мисс. Я уже подумал, что встретил в темном переулке опасного маньяка. — Теперь он улыбается, отпуская меня и делая шаг назад. А я никак не могу собрать мысли в кучу, словно кто-то превратил их в спагетти и намазывает на вилку перед тем как съесть.

Голова начинает болеть. Такого со мной еще не случалось. Прижимаю пальцы к вискам и морщу лоб. В этот же миг замечаю, что незнакомец становится полностью серьезен. И мысли в голове вдруг... Господи, да я никогда не ощущала

такую чистоту и ясность в голове!

Поднимаю взгляд на незнакомца снова и вижу его совершенно четко. Так, словно кто-то протер ранее запотевшие очки. Но очков на мне нет и никогда не было. Меня все еще пугает мое состояние, но не меньше удивляет то, как выглядит мужчина.

На нем черный дорогой костюм состоящий из брюк и жилета. Из-под накинутого на плечи пальто виднеется ворот темной рубашки, с идеальной овальной брошью у шеи от которой тянутся к углам воротника изящные серебряные цепочки. Взглянуть на этого человека, и не отметить роскошный вкус — невозможно. Мужчина сам по себе приковывает взгляд, но его одежда только больше подчеркивает необычную внешность. И самое примечательное в его образе — это шляпа. Глубокого синего цвета, она сидит на его голове с идеальной небрежностью, контрастируя с рыжими волосами, создавая образ, который бросается в глаза. Это не обычная шляпа в каких предпочитают ходить лондонские модники. Она чуть выше и ярче, выгодно оттеняя глаза.

Я вздрагиваю словно от пощечины, когда незнакомец ухмыляется и тихо хмыкает себе под нос. Замечает, что глазею на него.

Глава 2. Приглашение в Страну чудес

Незнакомец наклоняет голову, и синяя шляпа слегка сдвигается, открывая лоб. Его улыбка становится мягче, почти добродушной.

— Который час, мисс? — спрашивает он мягко, словно вовсе не заметил моего пристального внимания, и в его голосе звучит искренний интерес.

Я машинально поднимаю запястье, проверяя электронные часы, которые загораются ярким неоном, когда касаюсь их. Пальцы дрожат чуть заметнее, чем хотелось бы и сжимаю руку в кулак.

— Восемь часов, — отвечаю, почти спокойно, хотя мое тело напряжено, как струна.

Он кивает, словно это подтверждает какую-то его внутреннюю теорию. Его голубые глаза на секунду закрываются, и я вижу, как его грудь поднимается в глубоком вдохе. Когда он открывает глаза снова, в них появляется что-то, похожее на жалость или сожаление.

— Какая досада. — Смотрит он на меня сверху вниз, окидывая взглядом. — Через двадцать минут начнется дождь, — говорит он с такой уверенностью, словно сам только что заказал непогоду. — Воздух уже пахнет дождем. Вы не за-

метили?

Я поднимаю взгляд к небу, но не замечаю туч. Только редкие звезды на темнеющем небе. Мое сердце начинает биться чаще, я снова смотрю на незнакомца, который рассматривает меня с хитрой ухмылкой на губах. Откуда он знает? Синоптики на BBC не предсказывали дождь на сегодня.

Неожиданно мужчина удивляет еще больше — протягивает мне тонкий зонт-трость, который держит в руках. А руки обтянуты кожей черных перчаток. Рукоятка зонта сделана из темного дерева, украшена серебристым наконечником в виде головы какого-то животного — лисы или волка, я не успеваю разглядеть. Инстинктивно отступаю на шаг.

— Возьми, красавица, — больше приказывает он, облачая властный тон в вежливость. — Тебе понадобится.

Я беру зонт в руки больше инстинктивно. Дерево теплое, после рук незнакомца. Мои пальцы сжимают его, и чувствую, как по спине пробегает холодок. Этот мужчина одновременно пугает и интересуется своей загадочностью.

— Спасибо, — выдавливаю из себя, хотя слово больше звучит как вопрос.

Незнакомец в шляпе улыбается еще шире, но глаза его остаются холодными. Он нехотя делает шаг в сторону, приподнимая шляпу в прощальном жесте, затем еще один, и вот уже исчезает во мраке переулка, откуда недавно вышла к нему я. Стоя одна, сжимая в руках чужой зонт, дышу слишком громко в тишине. Потом вспоминаю об Элис. Достāju те-

лефон из кармана пальто дрожащей рукой. Несколько быстрых шагов и выхожу на тротуар у проезжей части.

— Элис? — зову подругу, и мой голос звучит выше, чем обычно.

— Все хорошо, Софи? — обеспокоенно спрашивает она.
— Что это было?

— Да... Да! Все хорошо, Элис! Просто мне показалось, что заметила крысу у одного из мусорных баков. Это просто отвратительно! А еще один тип, странный, в синей шляпе... он спросил который час. Но не беспокойся. — Смеюсь как всегда, чтобы скрыть нервозность. — Такого бы точно изнасиловала сама. Видела бы, какой он красавчик! — говорю, а сама морщусь от того, что слова похожи на бред. Но потом выдыхаю, желая поскорее покончить с ложью, которая слишком правдива. — А вообще, ты права, больше не стану ходить через этот переулок. Я уже вышла оттуда. Не беспокойся. Скоро буду дома.

Слышу облегченный вздох подруги.

— Позвони мне, когда выйдешь, ладно? — повторяю я, хотя мое внимание уже блуждает между голосом подруги и мыслями о незнакомце.

— Конечно. До скорого, Софи. Мне пора работать.

Мы прощаемся, и я бодро начинаю двигаться вдоль улицы. Фонари светят ярко. Люди спешат, поднимая воротники пальто из-за порывов осеннего ветра, чувствуя приближение непогоды. Мужчина был прав. Воздух действительно пахнет

дождем — свежестью и озоном, которые щекочут ноздри.

Я иду быстрее, прижимая зонт к груди. Мой ум работает на полную мощность, пытаюсь понять, что только что произошло. Кто был этот человек? Почему его образ — синяя шляпа, рыжие волосы, голубые глаза — кажется мне знакомым, словно я видела его не просто раньше, а тысячу раз? Это словно эффект дежавю, только гораздо более интенсивное, свербящее под кожей чувство.

Первые капли падают на мою голову, холодные и большие. Я раскрываю зонт любуясь его черно-белыми полосами принта, и в этот момент вздрагиваю от того, что из его складок вылетает что-то ворохом теней. Карты.

Они кружатся в воздухе, падая на блестящий мокрый тротуар. Я дергаюсь, почти роняя зонт, и спешу подобрать одну из них. Это не совсем карты — на одной стороне карточек изображены масти: пики, черви, трефы, бубны, но на другой стороне белая гладкая поверхность с черным текстом:

«ТЕМАТИЧЕСКАЯ ВЕЧЕРИНКА

В СТИЛЕ СТРАНЫ ЧУДЕС

Проход по кодовой фразе:

«ДЕСЯТЬ ШИЛЛИНГОВ И ШЕСТЬ ПЕНСОВ»

Начало в 22:00

Адрес в Ист-Энде. Мои руки начинают дрожать. Окраина города. Именно там, где на Элис напали три недели назад. Где она потеряла память и произошло то, что изменило мою подругу навсегда. Убило в ней всякую искру радости, хоть

и вижу, как она продолжает выжимать из себя подобие эмоций.

Я поднимаю взгляд, ощущая, как внутри поднимается понимание вместе с опасной идеей. Дождь идет все сильнее, и карты намокают. Я быстро собираю их, засовывая в карман пальто, но одну оставляю в руке. Она мокрая, холодная, но не могу ее отпустить.

Мозг работает лихорадочно. Это не может быть совпадением. Мужчина в синей шляпе, его странное знание о дожде, зонт с картами-приглашениями, адрес в Ист-Энде. Это все связано. Он пригласил меня туда. Но почему? Что он знает об Элис? Что он знает обо мне?

Желание поехать в этот клуб крепчает с каждой секундой, с каждой каплей дождя. Если Элис была там и это место связано с тем, что с ней произошло, то я должна узнать правду. Наверняка кто-то ее сильно запугал...

В голове ворохом картинок возникают воспоминания о том, как один из дружков моей матери с перепоя швырнул меня в стену, а потом пригрозил тем, что сожжет наш дом, если заикнусь о произошедшем. Вечером меня уже рвало от головной боли и темнело в глазах пока мама не догадалась вызвать скорую, хоть и была сама в стельку. На это у нее ума хватило. Оказалось, у меня произошло сотрясение мозга. В тот день, когда мне было еще только пять, я рассказала обо всем медсестре. Мою мать навсегда лишили права меня видеть. И она не сопротивлялась. Ни разу не пыталась наве-

стить или позвонить...

Я моргаю, пытаюсь унять пощипывание в глазах, ускоряю шаг, направляясь домой. Мое сердце бьется в груди, как птица в клетке, и я не знаю, это от страха или от возбуждения.

Квартира встречает меня тишиной и уютом. Просторная, светлая, с высокими потолками и большими окнами, она была подарком от приемных родителей на мое совершеннолетие. Они дали мне не только крышу над головой, но и чувство безопасности, которого я никогда не имела раньше. Но сегодня даже эти стены не могут успокоить взволнованное состояние.

Я бросаю мокрое пальто на спинку дивана, снимаю сапожки и тут же беру телефон. Мои пальцы дрожат, когда набираю номер детектива Харрисона, который ведет расследование по делу Элис.

Гудки. Один, два, три...

— Харрисон, — отвечает он, и я слышу в его голосе раздражение.

— Детектив, это Софи Дарлинг, — говорю я, стараясь звучать спокойно, хотя голос дрожит. — У меня есть информация о деле Элис Харрингтон. Я думаю, вам нужно знать о клубе в Ист-Энде. Сегодня там проводится вечеринка, и я уверена, что это может быть связано с тем, что произошло с Элис.

Слышу долгий вздох.

— Софи, я ценю твою помощь, но я занят более важным делом прямо сейчас. Убийство в центре города, и я не могу оставить это расследование. Сегодня я не смогу поехать туда.

Мое сердце каменеет и падает в живот. Я ожидала сопротивления, но не такого быстрого отказа.

— Но детектив, это может быть важно! — настаиваю я, уже выкрикивая. — Это может быть связано с нападением на Элис! Кто-то из ваших коллег может поехать туда?

— Я понимаю твою обеспокоенность, — говорит Харрисон, и его тон становится немного мягче. — Но я не могу бросить текущее дело. Другие сотрудники тоже заняты. Я не шучу, — дополняет он уже более жестко. — Если ты найдешь что-то конкретное, позвони мне. А пока что, пожалуйста, не делай ничего опрометчивого. И точно не ходи туда одна.

Я кусаю нижнюю губу, чувствуя, как тело напрягается от разочарования. Ногти свободной руки впиваются в ладонь, оставляя красные полумесяцы, которые вижу, когда разгибаю онемевшие пальцы и смотрю на свою руку.

— Хорошо, — отвечаю приторно мягко, хотя ничего хорошего не испытываю. — Спасибо, детектив.

Я кладу трубку и стою неподвижно в центре гостиной, достаю из кармана пальто влажную карточку с приглашением. Часы на стене показывают восемь двадцать. До вечеринки остается чуть больше часа.

Бойкое нутро, которое всегда было моей силой и все-

гда толкало к разборкам в школе, начинает шептать на ухо: *«Иди. Узнай правду. Помоги Элис»*.

Я смотрю на свое отражение в большом зеркале, висящем на стене. Девушка в отражении выглядит решительной, но в ее глазах видна тень страха. Это я, но словно не совсем. Это та часть моей личности, которая готова пойти в неизвестное и не боится никакой темноты.

Я беру карточку и кладу ее в карман пальто, которое все еще лежит на спинке дивана. Затем я иду в спальню и начинаю переодеваться. Черное платье заменяю на более подходящим — голубым с воланами на юбке и внушительным вырезом на груди. Нахожу в шкафу сценический подъюбник, которых у меня уйма, и надеваю для пышности под платье. Надеваю черные ботинки на толстой подошве, которые позволят мне быстро сбежать, если это понадобится. Крашу губы бордовой помадой, подвожу глаза черной подводкой, расчесываю светлые волнистые волосы, повязывая позади голубой бант. Смотрю в зеркало, оценивая себя и усмехаюсь, довольная образом. Я, со своими голубыми глазами и светлыми волосами действительно хорошо вошла в образ девочки, провалившейся в кроличью нору.

Отвлекает телефон, он вибрирует. Сообщение от Элис: «Я вышла. Добираюсь на такси. Позвоню через пять минут, когда буду дома».

Внутри вспыхивает негодование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.